

Международное право

Павликов Сергей Герасимович,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Конституционное и
международное право» Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, E mail: 89152499929@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ: ОСНОВА ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ФИНАНСОВОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Охарактеризованы тенденции трансформации российского конституционного права, в том числе в контексте его соотношения с современным международным правом, которое все чаще используется в целях доминирования на политической арене. Доказывается, что попытки «экономической изоляции» России, предопределили адекватные ответные меры, в том числе на основе формирования «регионального» международного финансового права, что подтверждают результаты саммита БРИКС – ШОС в июле 2015 г.

Ключевые слова. Право, международное право, конституционное право, конституция, экономика, санкции, государство, суверенитет.

Признание большинством *государств* примата норм *международного права*, которые юридически начинают превалировать над *конституцией* страны, не обусловило создание «мировой правовой системы» и не предотвратило тот кризис в развитии международного сотрудничества, который имеет место в настоящее время.

Конституционное право, как и *право*, в целом, является основным регулятором общественных отношений. Уникальные свойства *права* состоят в его общеобязательности, наличии формально определенных норм и механизма государственного принуждения, которые в идеале призваны выражать государственную волю общества. Основные недостатки *права* тоже общеизвестны: как любой качественный и универсальный инструментарий, он легко превращается в орудие расправы в руках представителей «сильного» (тоталитарного) строя.

Однако не менее негативный характер приобретает современная ситуация на международной арене, где *право* становится средством политического и экономического давления на «агрессоров» и даже «потенциальных агрессоров». Именно в таком качестве на рубеже 2014-2015 гг. этот инструментарий

стала использовать группа *государств*, которые пытаются обосновать свои действия ссылками на *международное право*. В современных условиях такие действия приобрели весьма специфический характер, в том числе реализуются в форме так называемых превентивных мер, экономических *санкций*.

Сущность *международного права* искажается в случае его характеристики не как *права* суверенных *государств*, признающих примат норм и принципов, содействующих интересам каждого из них, но как *права* определять, какие *государства* имеют право состоять в международных клубных объединениях, блоках, союзах, а какие должны стать «странами – изгоями». Примеров здесь, к сожалению, множество, они обедняют накопленный опыт межгосударственного взаимодействия, сужают сферу экономического сотрудничества, провоцируют или же усугубляют мировые финансовые кризисы. Трудно найти разумное объяснение, к примеру, изменения формата «большой восьмерки» на «семерку» и т.п. В частности, оправдание таких действий «*санкциями*» в отношении Российской Федерации за «аннексию Крыма» носит, по меньшей мере, надуманный характер. Здесь автору кажется уместной историческая параллель, связанная с «континентальной блокадой» Англии. Наполеон утверждал, что экономическая изоляция этого островного государства, которая вызвала снижение стоимости фунта (и, кстати, российского рубля тоже) обеспечит «мир в Европе». Комментарии в отношении таких «международных блоков» и «совместных финансовых действий» вряд ли необходимы.

Разумеется, важно найти способ противодействовать новой «мировой гегемонии». Как думается, Российская Федерация уже сформировала комплекс адекватных ответных мер, которые полностью соответствуют нормам как национального, так и *международного права*. В первую очередь, они базируются на непосредственном применении в отношениях со странами, которые искажают сущность и роль *международного права*, *Конституции* Российской Федерации, согласно которой (ч. 4 ст. 15) только и исключительно общепризнанные принципы и нормы *международного права* и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

Не может являться «общепризнанным», хотя бы уже в связи с его непризнанием Российской Федерации тот акт, документ, который ограничивает *суверенитет* страны, создает угрозы для ее безопасности, в том числе в финансовой сфере. Следовательно, «ни одна правовая норма, в том числе и вытекающая из международных обязательств, не должна противоречить *Конституции*» [1, с.35].

Правила «приоритета», соотношения национального и *международного права* содержатся в самой *Конституции* Российской Федерации, т.е. в Основном законе суверенного *государства*. «Подчинение государства нормам *международного права*, - отмечал Р.А. Мюллерсон, – еще не означает подчинение национального *права* международному» [2, с.12].

Международный принцип равноправия и самоопределения народов закреплен в Декларации о принципах *международного права* 1970 г. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. указывает, что все принципы, изложенные в нем, имеют первостепенную важность, и, следовательно, они будут одинаково и неукоснительно применяться при интерпретации каждого из них с учетом других. На Всемирной конференции по правам человека в Вене (14 - 15 июня 1993 г.) отмечено: «Все народы имеют право на самоопределение». Однако далее подчеркивается, что «согласно Декларации о принципах *международного права*, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между *государствами* в соответствии с Уставом ООН, вышесказанное не должно истолковываться как разрешение или поощрение любых действий, нарушающих или подрывающих, полностью или частично, территориальную целостность или политическое единство *суверенных* и независимых *государств*, которые соблюдали принцип равноправия и самоопределения народов и в силу этого имеют правительства, представляющие интересы всего народа на их территории без каких-либо различий».

Согласно *Конституции* Российской Федерации *правом* на самоопределение в международном аспекте обладает только весь многонациональный российский народ. В преамбуле к *Конституции* закреплено: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей

земле... исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов... принимаем *Конституцию Российской Федерации*». В ч. 1 ст. 3 *Конституции Российской Федерации* установлено: «...носителем *суверенитета* и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 31 июля 1995 г. № 10-П указано: «конституционная цель сохранения целостности Российского государства согласуется с общепризнанными международными нормами о *праве* народа на самоопределение».

Конституция Российской Федерации допускает только внутригосударственное самоопределение народов; в ч. 3 ст. 5 установлено: «Федеральное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации».

Сказанное, безусловно, не умаляет той роли, которую как в современном мире, так и в Российской Федерации выполняет *международное право*. Так, даже нератифицированные Россией международные акты становятся частью ее правовой системы и регламентируют важнейшие естественные права, включая право на жизнь. Протокол № 6 к Конвенции о защите прав и основных свобод (о запрете применения смертной казни) Государственной Думой Российской Федерации не был рассмотрен и не ратифицирован, и, следовательно, для Российской Федерации он не имел никакой юридической силы. Однако в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 1344-О указано: «тот факт, что Протокол № 6 до сих пор не ратифицирован, в контексте сложившихся правовых реалий не препятствует признанию его существенным элементом правового регулирования *права* на жизнь».

Тем не менее, за прошедшее время ситуация на международной арене кардинально изменилась и, как думается, не в позитивном для углубления межгосударственного сотрудничества направлении. Фактическая агрессия в отношении

Российской Федерации, которую оправдывают «международным правом», обуславливает адекватные меры со стороны нашего государства, базирующиеся на прямом применении российской Конституции в международных отношениях: в силу ч. 4 ст. 15 признаются только акты, не создающие угроз для суверенитета и экономической безопасности страны.

Можно также констатировать генезис «ответного» процесса «регионализации» международного, в том числе международного финансового *права*. Большинство специалистов по *международному праву* отмечают тенденцию его «регионализации», формирования союзов, блоков, групп, которые используют лишь часть накопленного опыта регулирования отношений в международной сфере, либо - значительно чаще - формируют нормы, принципы для целей своего интеграционного сообщества.

Исследователи отмечают, что «обособление *права* и правопорядка регионального интеграционного объединения происходит постепенно, по мере развития нормативной базы в отношениях между его членами. Понятие коммунитарного *права*, или *права* регионального интеграционного объединения, возникло в ходе развития европейской интеграции. Постепенно в праве Европейских сообществ накапливались особенности, все более отдалявшие его от общего *международного права*, и в научной среде распространялась идея совершенно особенного *права*, которое стали называть коммунитарным *правом*, от английского «community», что значит «сообщество» [3, с.29].

На современном историческом этапе, с характерным для него ухудшением международных отношений, прежде всего, между Россией и США, а также большинством стран Европейского Союза, следует признать, что опыт создания «глобальных» интеграционных сообществ не оправдал в полном объеме возложенных на него надежд. Во второй половине 2015 г. вновь актуализировалась проблема потенциального распада «зоны евро», выхода из Европейского Союза, так и не сумевшего принять единую *Конституцию*, Греции и т.д. В этом плане представляется обоснованным утверждение о том, что «*международное право*, как и интеграционные сообщества, создаются суверенными субъектами *международного права* –

государствами...именно осознание необходимости сохранить национальную идентичность привело....к новой концепции «Европы отечеств». Таким образом, развитие европейского интеграционного процесса явилось своеобразным ренессансом концепции *суверенитета*» [4, с.64]. Нельзя, к примеру, не отметить и то обстоятельство, что некоторые авторы, исследуя практику различных *государств* в отношении использования норм ВТО их национальными судами, отмечают, что «подавляющее большинство стран, включая великие державы, либо полностью исключили такое использование этих норм, либо самым серьезным образом его ограничили. Сделано это было либо через принятие специального законодательного акта, либо решениями высших судов, либо судебной практикой. Решения российских судов показывают весьма взвешенный подход к вопросам применения норм ВТО при разрешении споров. Российские суды исходят из того, что ряд норм ВТО не порождает прав для частных лиц. Они не являются самоисполнимыми (в терминологии Суда по интеллектуальным правам)» [5, с.85].

В этом ракурсе актуальна формирующаяся концепция «двухполярного» интеграционного процесса в международной сфере. Она связана уже не только с созданием новых «альтернативных» сообществ (ЕвразЭС), но и, по сути, с формированием «регионального» международного финансового *права*. Так, на саммите БРИКС – ШОС (г. Уфа, июль 2015 г.) обсуждалось создание именно таких норм, которые в перспективе позволили бы осуществить в блоке переход к расчетам в национальных валютах и т.п. Нельзя не отметить и реализм этих планов; так, формирование резервного фонда («кассы взаимопомощи») будет осуществляться первоначально в долларах США, что на фоне, к примеру, кризисных явлений на китайских фондовых биржах, спекулятивного завышения курса юаня, представляется вполне разумным.

По мнению автора статьи, это свидетельствует об осознании бесперспективности построения «биполярного миропорядка» с центрами США и Китай. Как известно, результатом геополитических изменений, произошедших в конце XX в., стал переход от двухполярной системы мира к фактическому

преобладанию «в современном миропорядке США и их западноевропейских союзников. Включение в орбиту их политики бывших союзников СССР из Восточной Европы и подавляющего большинства суверенных *государств*, образовавшихся из числа союзных республик, привело к новому витку в раскручивании антироссийской политики, имеющей целью закрепить дисбаланс в соотношении сил на мировой арене» [6, с.15].

По вышеуказанным причинам мы не можем разделить мнение о том, что «существование в современном мире России в качестве суверенного и независимого *государства* в эпоху обострения межгосударственных противоречий, глобального экономического кризиса, появления на политической карте мира новой двухполярной системы взаимоотношений (США - КНР) возможно при условии мобилизации всех усилий общества и *государства* для решения задач модернизации *экономики* страны и перехода на качественно новый уровень системы социально-экономических и политических отношений» [7, 8]. Аналогичную позицию автор статьи занимает и в отношении следующих высказываний: «рост интенсивности осуществления процессов глобализации в современном мире напрямую влияет на снижение вероятности сохранения независимой российской государственности, ведь наша страна, населенная лишь чуть более чем двумя процентами населения планеты, обладает почти тридцатью процентами мировых природных богатств, которые являются объектом вождления целого ряда стран - глобальных конкурентов России (в частности, КНР и США). Формирование двухполярного мира станет очевидной реальностью уже к 2020 г. (примерно в это время КНР обгонит США и Европейский союз по объему ВВП и оборонной мощи), что повлечет ужесточение конкуренции между двумя великими державами и их сателлитами. Поддержание конкурентных возможностей США и КНР будет во многом обеспечиваться за счет привлечения природных ресурсов Российской Федерации в процессы увеличения их экономического и оборонного потенциала. Неэффективность государственного управления в России, частичный развал топливно-энергетического комплекса страны, нехватка финансовых ресурсов на проведение его структурной

модернизации к 2020 г. не позволят нашей стране обеспечивать растущие потребности конкурирующих держав в сырье. В связи с этим очевидно, что в страну будет допущен иностранный капитал в части освоения природных ресурсов (отдельные шаги в этом направлении относительно предоставления Китаю возможностей для инвестиционного развития Сибири и Дальнего Востока были сделаны Российской Федерацией еще в 2009 г.)» [8, с.2].

Можно (не дожидаясь 2020 г.) уверенно констатировать, что подобного рода сценарии носят утопичный характер, ибо мы наблюдаем создание экономического центра на основе стран - членов ШОС, который в перспективе, по меньшей мере, будет сопоставим с экономическим потенциалом указанных «перспективных стран». Основой этого процесса, которой мы характеризуем не только как попытку реанимировать более конкурентоспособный и, целом, более справедливый «двухполярный мир», но и, в частности, создать альтернативный глобальный экономический центр, является в российском правовом *государстве Конституция*.

Все большее количество юристов констатирует на современном историческом этапе верховенство *Конституции* Российской Федерации «над всеми действующими в стране актами – не только внутренними, но и международными» [9, с.89]. Соответствующую общеобязательную правовую позицию сформировал Конституционный Суд Российской Федерации, указав в Постановлении от 9 июля 2012 г. № 17-П «в правовой системе Российской Федерации, основанной на верховенстве *Конституции* Российской Федерации, правила международного договора, если они противоречат ее положениям, не могут находить своего применения».

Как думается, стоит согласиться с теми авторами, которые уже десятилетие назад отмечали, что «с развитием региональной экономической интеграции в различных районах мира система *права*, характерная для Европейских сообществ, утратила свою уникальность. В каждом случае система обладает собственными особенностями, которые будут продемонстрированы в дальнейшем. Но между ними есть одна общая черта - это система *права*, действующая в пределах той группы государств, которые входят в данное региональное объединение. Выделение

регионального *международного права* не противоречит современному *международному праву*» [3, с.29].

Итак, сейчас развивается концепция «двухполярного» интеграционного процесса в международной сфере, обусловленная попытками «геоэкономической изоляции» России. На практике она воплощается в создании новых и расширении круга уже созданных сообществ (ЕвразЭС, ШОС), а с 2015 г. – в более активном формировании «регионального» международного *финансового права*, которое в перспективе позволит осуществить переход к расчетам в национальных валютах стран – членов ШОС, сформировать организации, альтернативные существующим международным банковским структурам и т.п.

Список литературы:

1. Усольцева А.Г. Влияние международного права на содержание Конституции Российской Федерации 1993 года //Конституционное и муниципальное право. 2011. № 9. С. 35 - 37.
2. Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права. М., 1982. С. 12.
3. Рыжов В.Б. Международно-правовые модели региональной экономической интеграции (Европейский Союз, МЕРКОСУР, ЕврАзЭС) //Международное публичное и частное право. 2006. № 4. С. 29.
4. Мещерякова О. М. Суверенитет и интеграционное сообщество: теория и практика //Государство и право. 2014. № 8. С. 64/
5. Исполинов А.С. Применение норм ВТО национальными судами: теория и практика //Государство и право. 2014. № 9. С. 85.
6. Ковалев Н.Д., Аронов Д.В. Статус памятников Великой Отечественной и Второй мировой войн - проблемы правового регулирования //Культура: управление, экономика, право. 2008. № 3. С. 15.
7. Гончаров В.В., Певтиев И.И. О некоторых вопросах определения роли конституционного правосудия в субъектах Российской Федерации в укреплении системы государственной власти в стране //Российский судья. 2010. № 6. С. 8 - 12.
8. Гончаров В.В. О некоторых вопросах влияния международных факторов на сохранение и развитие российской государственности //Адвокатская практика. 2010. № 3. С. 2 - 6.
9. Марочкин С.Ю. Верховенство права на внутригосударственном и международном уровнях: динамика развития и взаимодействия //Государство и право. 2013. № 10.. С.89.

International law

Sergey G. Pavlikov,

Doctor of juridical sciences, professor,
Chairman of department "constitutional and
Municipal right", financial university with
The government of the Russian Federation
Moscow, (E-mail: 89152499929@mail.ru)

CONSTITUTIONAL LAW IN RUSSIA: FRAMEWORK FOR THE IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL FINANCIAL LAW IN MODERN GEO-ECONOMIC CONDITIONS

Abstract. Transformation trends characterized the Russian constitutional law, including in the context of its relationship with contemporary international law, which is increasingly used to dominating the political scene. It is proved that attempts to "economic isolation" of Russia, predetermined adequate retaliatory measures, including through the establishment of "regional" international financial law that confirm the results of the Summit of the BRICS-SCO in July, 2015.

Keywords: Law, international law, constitutional law, the Constitution, the economy, the sanctions, the State sovereignty.

References:

Usol'ceva A.G. The impact of international law on the contents of the 1993 Constitution of the Russian Federation//Constitutional and municipal law. 2011. no. 9. P. 35-37.

Mullerson R.A. The ratio of international and national law. M. 1982. S. 12.

Ryzhov V.B. International legal model of regional economic integration (European Union, MERCOSUR, EurAsEC) // international public and private law. 2006. no. 4. S. 29.

Meshcheryakova O.M. Sovereignty and community integration: theory and practice//State and law. 2014. no. 8. P. 64/

Giants A.S. Application of WTO rules by national courts: theory and practice//State and law. 2014. no. 9. S. 85.

Kovalev N.D., Aronov D. Status of monuments of great patriotic war and world wars-the issues of legal regulation//culture: management, economics, law. 2008. no. 3. S. 15.

Goncharov V., Peftiev I.I. On some issues of determining the role of the constitutional justice in the constituent entities of the Russian Federation in strengthening the system of State power in country // the Russian judge. 2010. no. 6. C. 8-12.

Goncharov V. On some issues of the impact of international factors on preservation and development of Russian statehood//law practice. 2010. no. 3. C. 2-6.

Marachkin S.Y. Rule of law at the national and international levels: the dynamics and interaction//State and law. 2013. no.10. S. 89.